

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (571) 16/18

Ляпин Д.А.¹

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА²**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Lyapin D. A.

**BELGOROD LINE RURAL POPULATION DEVELOPMENT DYNAMICS
IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY**

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

Реферат: Белгородская черта – самое значительное в российской истории, мощное и сложное военно-инженерное сооружение, вобравшее в себя передовые образцы европейской фортификационной мысли. Она была сооружена с целью защиты исторического центра России от нападений различных кочевых этнических групп. Сооружение Белгородской черты повлекло за собой изменение численности сельского населения, в особенности количества мелких помещиков в регионе. В статье рассматривается изменение численности и социальный состав сельского населения в Белгородском, Воронежском и Елецком уездах, освоение которых началось задолго до строительства черты. Делаются выводы о том, что развитие традиционных форм землевладения было нарушено и во второй половине XVII в. произошел резкий рост численности мелких помещиков.

Ключевые слова: Белгородская черта, одноворцы, поместье, хозяйственное освоение, землевладение, крестьяне.

Abstract: The Belgorod Line is the most significant, powerful and complex military-engineering facility in Russian history. The author of this article explores what kind of changes took place in the counties near the military defense line. The dynamics of the development of the rural population in the Belgorod, Voronezh and Yelets counties, the development of which began long before the construction of the line, is considered in detail. Conclusions are drawn that the development of traditional forms of land ownership was disrupted and in the second half of the 17th century there was a sharp increase in small landowners without peasants.

Key words: Belgorod line, odnodvortsy, estate, economic development, land ownership, peasants.

¹ **Ляпин Денис Александрович** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия ЕГУ им. И.А. Бунина (г. Елец).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина".

Белгородская черта – условное название линии укреплений, оформившейся в 1650-е годы на южных рубежах Российского государства. Комплекс военно-оборонительных сооружений растянулся на 800 км и проходил по территории Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей.

Целью создания Белгородской черты была защита исторического центра Российского государства от набегов крымских и ногайских татар, а также прочих кочевых этнических групп, пользовавшихся открытыми степными пространствами, которые тянулись от русских рубежей к Черному морю и Кавказу. Никакие подарки, выплаты и договоренности с кочевниками не могли решить эту проблему, которая стала очевидной уже в середине XVI в., но готовой к ее решению страна оказалась только к середине XVII в. Именно, в это время был возведен основной массив сооружений Белгородской черты, позволивший остановить нападения в исторический центр России. Плодородные южные земли были важны для дальнейшего развития аграрного общества и давали возможности для модернизации страны.

Белгородская черта, как масштабный военно-стратегический объект, не могла существовать без

продовольственной базы, которая формировалась в уездах, оказавшихся под ее защитой. Кроме того, ее строительство должно было сопровождаться новыми формами землепользования, адекватно отвечающими потребностям времени, а, значит, неизбежно влекло за собой изменения традиционной структуры организации сельского населения. Данный аспект истории Белгородской черты находится в центре внимания данной статьи.

История изучения сельского населения Юга России началась в последней трети XIX в., благодаря работам Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского [1; 15]. Историки сосредоточили внимание на исследовании экономического аспекта колонизации края, за что подверглись критике со стороны С.Ф. Платонова, который отметил, что политическая, социальная и экономическая составляющая истории этого важного региона должны рассматриваться в тесном взаимодействии [19, с. 43].

В 1899 г. вышла книга Н. А. Благовещенского о «четвертном праве» однодворцев, в которой автор затронул вопросы колонизации земель южной окраины [2]. Предложенный им термин «четвертное право» (право коллективного пользования землей) не закрепился в науке, но Н. А.

Благовещенский справедливо обратил внимание на проблему развития поместного землевладения, считая, что основой колонизации Юга была однодворческая община, действующая на принципе распределения земли по четвертям – полосам земли. К сожалению, исторические условия появления однодворческого поместья, связанные с военным противостоянием Москвы и татар, оказались за пределами его работы.

Важность военного фактора в изучении хозяйственной колонизации региона впервые на большом фактическом материале показал советский историк А.А. Новосельский. В книге о противостоянии Москвы и Крымского ханства он описал сложные военно-политические обстоятельства, связанные с борьбой России за присоединение пограничных степных пространств за Окой [16]. Идеи А. А. Новосельского развил в своих работах В. П. Загорский, автор серии монографий, посвященных военно-политической истории Центрального Черноземья в XVI-XVII вв. [9; 10]. Его исследования были продолжены в разных направлениях В. Н. Глазьевым, Ю. А. Мизисом, А. И. Папковым, В. В. Канищевым, Е. В. Камараули и другими современными учеными [7; 8; 11; 12; 14]. Благодаря их усилиям научному сообществу в настоящее время уда-

лось получить достаточно объективное представление о политическом, социальном и экономическом развитии региона. Важно упомянуть также исследование В. М. Важинского об общине однодворцев Юга России. Его книга, вышедшая в 1974 г., внесла заметный вклад в понимание процесса складывания общинного землевладения в регионе Белгородской черты [5, с. 142-144]. Однако ученый настаивал на том, что однодворцы были ближе к крестьянам – тезис, связанный, скорее, с советской идеологией, чем с фактическими основаниями и слишком мало уделял внимания военному фактору.

Современная американская исследовательница К. Белкин-Стивенс в монографии о снабжении русских войск на южной степной окраине, убедительно показала, что именно хозяйственные успехи позволили обеспечить «военную революцию», изменившую русскую армию в этом регионе и ставшую залогом успеха в войне с татарами. Москва создавала на границе «военные полицейские округа», население которых занималось одновременно военной и хозяйственной деятельностью [30]. На огромную роль хлебных запасов и развитие земельного фонда в России XVII в., в том числе для военных, стратегических нужд, указывали американские историки Р. Смит и Д.

Христиан в специальном исследовании, посвященном русской еде и напиткам [29].

В настоящее время в исторической науке считается очевидной связь военного и экономического факторов в развитии региона. Служилые люди нуждались в запасах хлеба, который мог полноценно собираться с местных земель только в случае их надежной защиты. Следовательно, важно понять, как изменялась жизнь сельского общества, обеспечивающего Белгородскую черту столь важным для ее функционирования продовольствием.

Источниками статьи стали, главным образом, переписные книги 1646 г. и 1678 гг., которые содержат сведения о развитии уездов до и после возведения Белгородской черты. Достоверность переписных книг, конечно, относительна, но они отражают общие социальные тенденции развития региона в конкретный отрезок времени [6]. В работе, на основе указанных выше переписных книг, будет рассмотрено социально-демографическое развитие сельских поселений трех локальных групп: Саженого стана Белгородского уезда, Карачунского стана Воронежского уезда и Засосенского стана Елецкого уезда.

Сажной стан Белгородского уезда располагался к северу от Белго-

рода и оформился, вероятно, к 1615 г. Основная его часть находилась на широкой равнине, изрезанной ручьями и небольшими речками, впадающими в р. Северский Донец. На природных возвышенностях здесь находились небольшие лесные массивы. Более-менее стабильное развитие этих земель было обеспечено защитой белгородской крепости, хотя речь не идет, конечно, об абсолютной безопасности. Свое название стан получил по небольшой речке Сажный Донец.

По данным на 1646 г., Сажный стан состоял из 2 сел, 10 деревень и 2 починков [24]. Большинство этих населенных пунктов располагались в районе небольших притоков реки Северский Донец. Самым крупным поселением здесь было село Сажное: в нем проживали 63 помещика, что составило 36% от числа всех светских землевладельцев стана вообще. Сажное располагалось к северо-востоку от Белгорода, «по Сажному Донцу, по Крымской стороне» [24, л. 19]. Это было возвышенное место возле крупного лесного массива, удобное для ведения хозяйственной деятельности. Здесь же часть земель была распределена между белгородскими приезжими черкасами (выходцами с украинских земель) и жилами казаками.

Общее количество помещиков Сажного стана в 1646 г. составило 172 человека, а крестьян – 133 человека. Это население располагалось крайне неравномерно, – так сложилось исторически, в процессе хозяйственного освоения данной территории. Особенно это заметно на примере размещения крестьян. Больше всего их проживало в поселениях, находившихся рядом с тем местом, где изначально существовал Белгород, разрушенный польско - литовскими войсками в 1612 г. [3]. Всего тут проживал 61 крестьянин или 46% всего крестьянского населения стана. Сам факт того, что только в этом регионе располагались починки, также свидетельствует о его интенсивном хозяйственном освоении. Другим наиболее освоенным участком стана был район Сажного леса, где в с. Сажное и д. Липовая слободка проживало все остальное крестьянское население исследуемого региона (66%).

Таким образом, мы видим развитие традиционного помещичье-крестьянского землевладения: наличие помещиков с крестьянскими дворами. Развитие стана началось еще в конце XVI в., сразу после постройки Белгорода (1596) [18]. Не все участки стана развивались одинаково, что связано, по всей видимости, с военной опасностью характерной для всего этого

региона. Сельские поселения располагались группами, образованными в ходе колонизации за последние 50 лет. Новые поселения были представлены не только помещиками-дворянами боярскими, но также и черкасами, атаманами и казаками [18].

В 1678 г. территория Сажного стана была уже защищена системой военно-оборонительных сооружений Белгородской черты. Новая перепись зафиксировала здесь 7 сел и 17 деревень [23, л. 136-172]. Общее число землевладельцев составило 468 человек, включая 38 черкас «старого выезда». Крестьян, бобылей и «деловых людей» проживало, по нашим подсчетам, 82 человека, из них 69 (84%) находились на землях всего пяти помещиков из д. Сотничья поляна. Вызывают интерес сведения о запустевших крестьянских дворах. Их количество составило 18, и если мы предположим условно, что в каждом дворе проживало минимум три человека, то получим убыль минимум в 54 человека. А если мы прибавим эту цифру к имеющемуся числу крестьян, бобылей и деловых людей (82), то получается, что с 1646 г. убыль крестьян составила 40%.

Изменение численности населения мужского пола по Сажному стану можно наглядно представить в виде диаграммы (диаграмма 1).

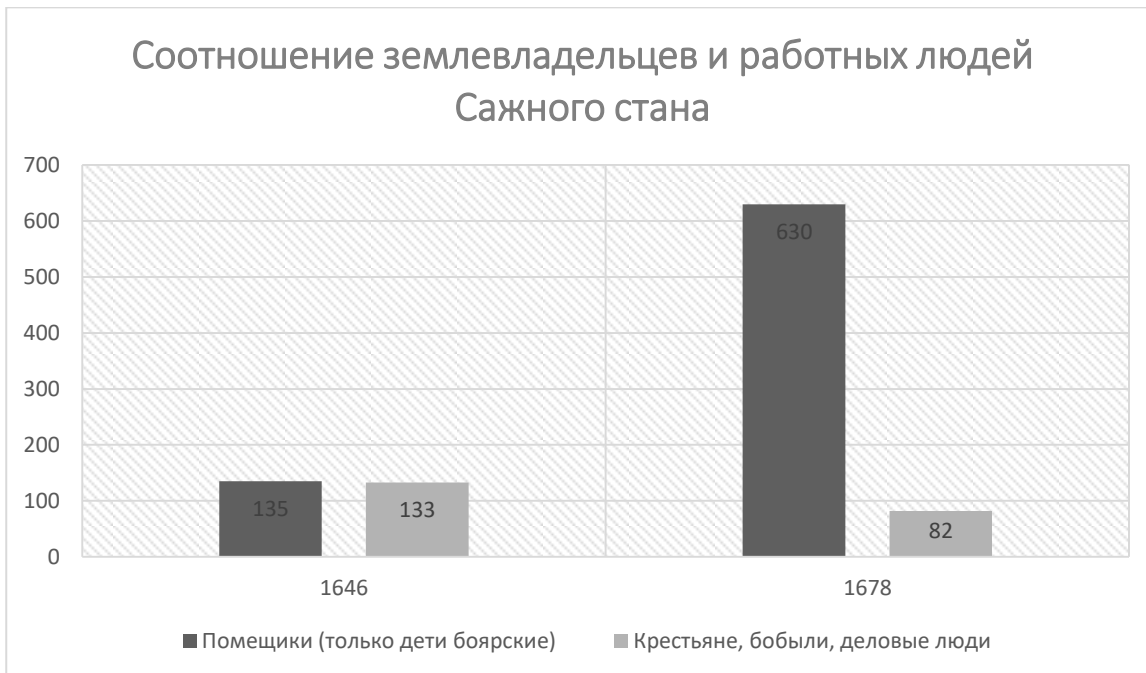
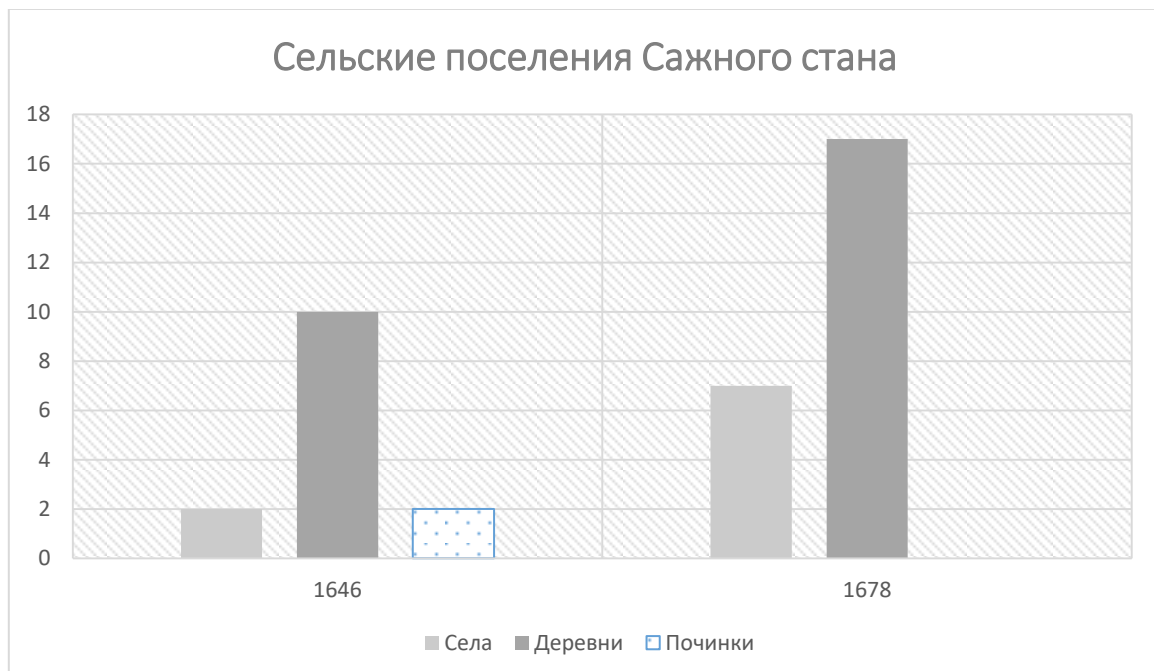

Диаграмма 1. Соотношение землевладельцев и рабочих людей в Сажном стане Белгородского уезда в 1646 и 1678 гг.

Интересны также данные по росту числа сельских поселений, сведенные нами в диаграмму 2.

*Диаграмма 2.
Сельские поселения Сажного стана Белгородского уезда в 1646 и 1678 гг.*

Очевидно, что Белгородская черта внесла большие коррективы в естественное развитие Сажного стана, как и всего региона в целом. До начала интенсивного строительства военных укреплений и массовых переселений служилого населения (1650-е годы) хозяйственное освоение этих обширных пространств происходило медленно, по преимуществу, в форме традиционного помещичьего землевладения. Вначале возникали крупные поселения детей боярских, под их защиту приходили крестьяне и бобыли, начиналась распашка близлежащих земель. Количество крестьян и помещиков Сажного стана в среднем было равным (См. диаграмму 1). Затем несколько помещиков отделялись, образуя починки, которые со временем становились полноценными деревнями. Вслед за тем вокруг деревни возникало несколько новых поселений, строился храм, и она становилась селом.

Строительство Белгородской черты нарушило эту обычную схему развития и привело к резкому росту числа служилых землевладельцев (поданным Сажного стана – в 4,5 раза) и уменьшению численности крестьян. Пришедшие в первой половине XVII в. на эти земли крестьяне

после начала строительства Белгородской черты бежали, напуганные резким обострением боевых действий в регионе, умирали от чумы или попадали в татарский плен. Часто помещики говорили писцам, что «не упомянут», что именно случилось с их крестьянами. Сельские поселения после середины XVII в. возникали за счет новых массовых земельных раздач группам детей боярских. Кроме того, с целью скорейшего освоения региона возникали отдельные поселения казаков и прочих служилых людей [4].

Схожая ситуация наблюдается в Карачунском стане Воронежского уезда. Его описание было сделано В. Н. Глазьевым в издании переписной книги 1646 г. Он же первым разработал методику составления переписи и нанес границы стана на карту [20]. Карачунский стан располагался к северу от крепости, занимая плодородные земли междуречья Воронежа и Дона. Он оформился к 1615 г. и получил название, вероятно, от леса, расположенного на правом берегу р. Воронеж.

Общее число сел Карачунского стана составило – 6, а деревень – 9, кроме того, здесь располагались сельцо и починок. Количество местных землевладельцев (детей боярских, служилых иноземцев, вдов, поместных казаков) – 217 человек,

крестьян – 1017 человек. На территории стана находился Карачунский монастырь, на землях которого проживали 30 крестьян [20, с. 124-161]. Крестьянские дворы располагались на землях помещиков неравномерно: 364 крестьянина жили на землях служилых иноземцев в с. Белый Колодезь, а еще 187 – у помещиков соседнего с. Вербилово, т.е. в двух селах проживало более 50% от всего крестьянского населения стана. В среднем обеспеченность крестьянами была хорошей. К 1646 г. на его территории сложилась традиционная система поместного землевладения.

В 1646 г. четыре села, отмеченные в переписи как входящие в составе Карачунского стана, административно относились к недавно образованному Усманскому уезду (1645). Но, видимо, опираясь на материалы предыдущего писцового описания 1628 г., переписчики включили их в воронежскую перепись. Такая же ситуация повторилась в 1678 г. Поскольку для нашего исследования важен географический участок междуречья Дона и Воронежа, а не административная принадлежность сельских поселений, сведения по этим четырем селам добавлены в общие подсчеты. Это касается с. Белый колодезь, вошедше-

го в состав новообразованного Сокольского уезда в 1648 г. [20, с. 9].

По данным переписи 1678 г. на исследуемом участке располагались 9 сел и 8 деревень [21, л. 162 об.-219 об.]. Всего в этом месте проживали 1145 служилых землевладельцев, однако из них отдельную группу составляли землевладельцы с. Белый Колодезь, где был поставлен острог – часть защитной линии Белгородской черты. В этом селе находилось 250 дворов детей боярских и 53 двора рейтар. Точная численность населения в источнике не указана, но мы исходим из того, что в одном дворе проживали минимум три человека. Никто из них не имел крестьян. Здесь же, на «государевой земле» проживали отдельно 65 бобылей. Когда в 1648 г. Белый Колодезь вошел в состав Сокольского уезда, его крестьяне были переведены в драгуны [20, с. 9].

Всего работных людей (крестьян, бобылей и «деловых людей») на территории Карачунского стана Воронежского уезда проживало, по нашим подсчетам, 1280 человек. В обобщенном виде соотношение работных людей (крестьян, бобылей, дворовых) и служилых землевладельцев в указанном регионе представлено в диаграмме 3.

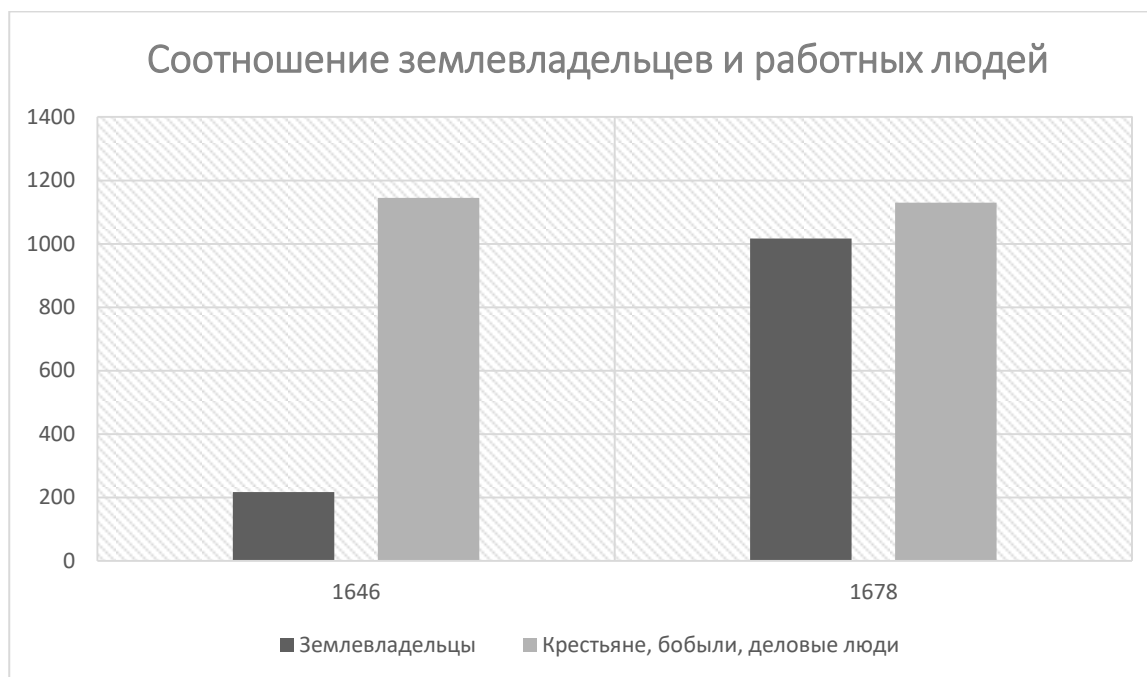

Диаграмма 3. Соотношение землевладельцев и работных людей в Карачунском стане Воронежского уезда и в прилегающих к нему поселениях в 1646 и 1678 гг.

Динамика развития сельских поселений отражена в диаграмме 4. Здесь видим увеличение числа сел и деревень, а отсутствие более мелких поселений указывает на то, что хозяйственное освоение региона про-

исходило путем массовых переселений и земельных раздач, а не естественным образом, когда деревня образуется как результат хозяйственного развития отдельного населенного пункта [11, с. 53-61].

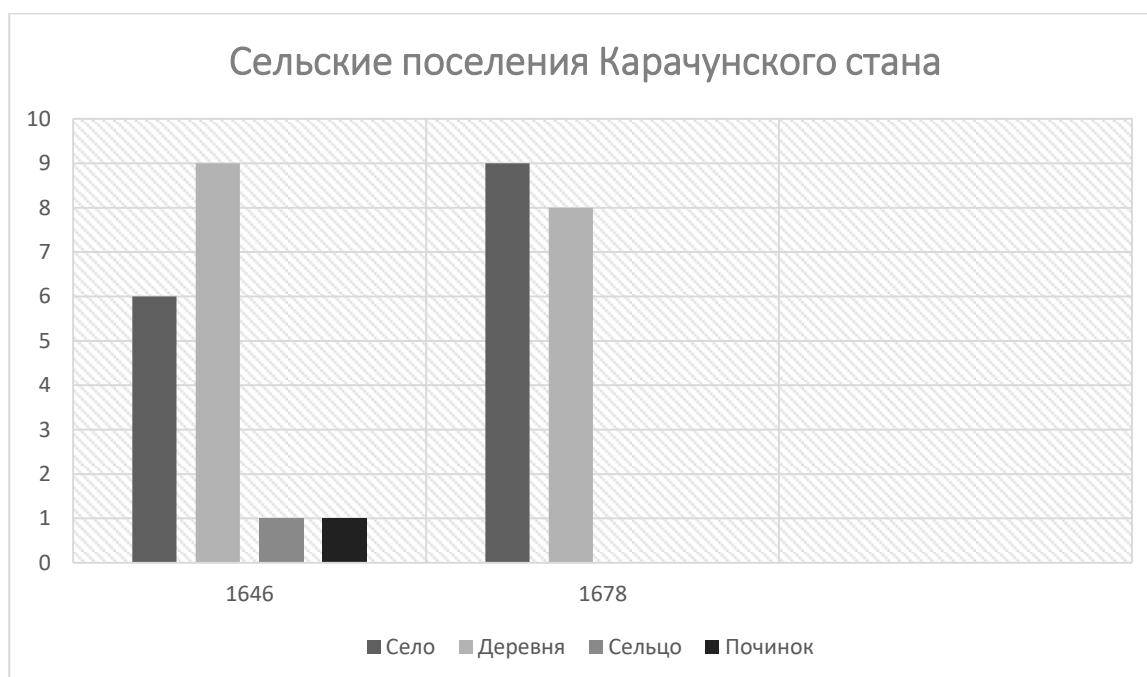

Диаграмма 4. Сельские поселения Карачунского стана Воронежского уезда в 1646 и 1678 гг.

Анализ полученных данных показывает, что распределение земель после строительства черты осуществлялось путем переселения помещиков-однодворцев на новые территории, а не естественным образом, через формирование починков или деревень самими землевладельцами.

Засосенский стан Елецкого уезда оформился к 1615 г., через 23 года после строительства крепости Елец (1592). Его земли тянулись к югу от крепости за р. Быстрая Сосна (отсюда название). Это был самый большой стан уезда. Долгое время границы его не были четкими, но в значительной своей части он граничил с Карачунским станом Воронежского уезда. Основная территория Засосенского стана представляла собой степные пространства, изрезанные мелкими речками. Лишь в районе протекавшего здесь Дона произрастали обширные лесные массивы.

Данные переписной книги 1646 г. по Засосенскому стану свидетельствуют о том, что естественный ход развития поместного землевладения здесь был уже нарушен: на 503 землевладельца (дети боярские и поместные казаки) здесь приходилось всего 309 работных людей (крестьян, бобылей, дворовых людей) [22, л. 110-175]. Стабильное соотношение крестьян и помещиков, наличие большого числа починков и пусто-

шей, свидетельствующих о традиционном развитии сельских поселений, наблюдалось в регионе в 1630 г., о чем свидетельствуют данные составленной тогда писцовой книги [26]. Через 16 лет, в 1646 г. переписная книга зафиксировала крестьян у 44% служилых землевладельцев. Однако ее данные не являются точными. По сведениям смотра местных детей боярских Елецкого уезда 1648 г. только 17% помещиков действительно владели хотя бы одним крестьянином [27].

Это обстоятельство еще раз указывает на то, что степень достоверности переписных книг 1646 г. относительна. В. Н. Глазьев отметил, что по Воронежскому уезду она составляет 70% [20, с. 23]. По Елецкому уезду эта цифра может быть снижена до 65%. Переписные книги почти не фиксировали однодворцев, которые вели коллективную распашку земель и жили, как они сами выражались, «кучами» [28, с. 109-110]. Но нет сомнений в том, что переписные книги отразили общую тенденцию, связанную с резким ростом однодворческого землевладения и уменьшением численности крестьян. В более северном Елецком уезде этот процесс начался раньше, чем в Воронежском и Белгородском.

В 1646 г. в Засосенском стане находилось 13 сел, 13 деревень и

один починок. Данные переписной книги 1678 г. по этому стану свидетельствуют о том, что после строительства Белгородской черты ситуация продолжила развиваться в том же направлении [25, л. 80-204]. Несмотря на то, что на 641 землевладельца приходилось 875 крестьян, бобылей и «деловых людей», распределение рабочих рук было крайне неравномерным. В большинстве поселений проживали однодворцы, реальное число которых, судя по всему, было несколько выше. На землях помещиков Бехтеевых

проживал 91 крестьянин, а подьячие А.С. Дехтярев и Ф.А. Степанов имели земли, где проживали 145 крестьян. Получается, что около 30% крестьян проживали у трех человек. Общее число сел Засосенского стана составило теперь 16, а деревень – 20, кроме того, здесь располагалась одна пустошь, возникшая после «ханского разорения» – вероятно, набега крымских татар в 1659 г. Динамика развития сельских поселений стана наглядно представлена в диаграмме (диаграмма 5).

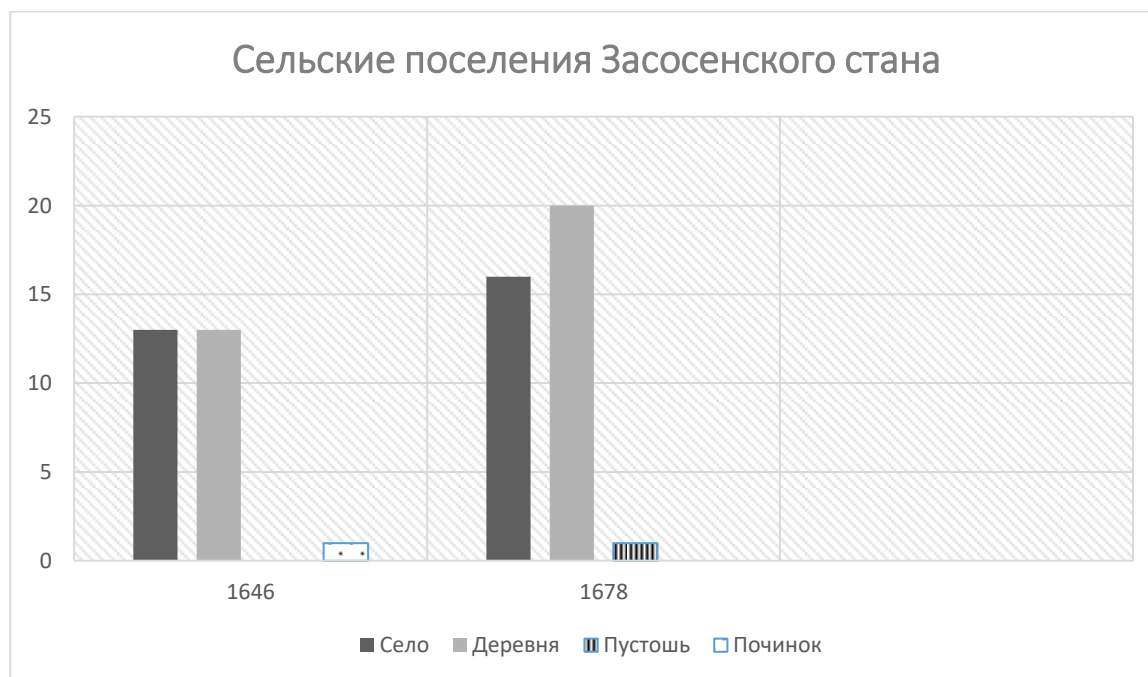

Диаграмма 5. Сельские поселения Засосенского стана Елецкого уезда в 1646 и 1678 гг.

Таким образом, собранные и проанализированные в данной статье материалы свидетельствуют о том, что Белгородская черта оказала неоднозначное воздействие на развитие сельского населения Юга Рос-

сии. С одной стороны, процесс хозяйственного освоения региона ускорился, поскольку выросло число служилых землевладельцев, соответственно сел и деревень стало заметно больше. Но, с другой стороны,

был нарушен традиционный принцип хозяйственного уклада сельской жизни, когда крестьян было больше, чем помещиков. Этот путь медленного, но полноценного развития был начат в этом регионе после Смутного времени, но был нарушен массовыми переселениями служилых людей, начавшимися в 1640-е годы и продолжившимися особенно интенсивно в 1650-е годы, когда полным ходом происходило строительство новых военно-стратегических объектов Белгородской оборонительной линии. Однако такое интенсивное развитие поместного землевладения было важным не только для защиты региона от татарских нападений, но и для ускоренной хозяйственной поддержки военных крепостей. Помещики-переселенцы получали земельные участки, которые становились основанием для их военной службы, способствовали развитию рынка и обеспечивали хлебом обширный военный регион. В условиях обострения военных действий крестьянское население не могло увеличиваться быстрыми темпами. Обрабатывать пашню помещикам

приходилось силами своей семьи, что и толкало их к созданию трудовых сельских общин. Но однодворческое поместье было той новой формой землепользования, которая адекватно отвечала потребностям времени и сыграло важную роль в истории строительства Белгородской черты. Неслучайно оно стало преобладающим именно в годы интенсивного сооружения укреплений на южных рубежах страны, т.е. в 1640-50-е годы.

Отмеченные в статье процессы требуют дальнейшего изучения, поскольку показывают механизмы хозяйственного освоения обширного региона в условиях военного противостояния. Представляется особенно перспективным электронное картографирование и составление единой геоинформационной системы исторического региона Белгородской черты, отражающей происходящие здесь во второй половине XVII в. социально-экономические процессы, сопутствующие постройке масштабных военно-оборонительных сооружений.

Список литературы:

1. Багaley Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Унив. типография, 1887. 634 с.
2. Благовещенский Н. А. Четвертное право. М.: Типография товарищества Н. Н. Кушнерев и К°, 1899. 538 с.

3. Бобов А. Г. Крепость у Северского Донца и Белого Колодезя // Белгородская черта: сборник научных статей и материалов по истории Белгородской черты. Вып. 6. Белгород: Константа, 2021. С. 12-15.
4. Бovyкин О. М., Кривцова Е. В. Образование поселений на землях белгородских станичных ездовых в XVII веке на примере села Разумное // Белгородская черта: сборник научных статей и материалов по истории Белгородской черты. Вып. 4. Белгород: Константа, 2019. С. 3-9.
5. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Воронеж: ВГПИ, 1974. 237 с.
6. Водарский Я. Е. К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // История СССР. 1968. № 2. С. 133-143.
7. Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII в. Воронеж: ВГУ, 2001. 429с.
8. Жуков Д. С., Лямин С. К., Канищев В. В. Фронт и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII – XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 6-12.
9. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: ВГУ, 1968. 304 с.
10. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: ВГУ, 1989. 269 с.
11. Ляпин Д. А. На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2020. 416 с.
12. Ляпин Д. А. От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История: Факты и символы. 2016. № 2. С. 9-16.
13. Ляпин Д. А. Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. Вып. 3. С. 57-64.
14. Мизис Ю. А., Кашенко С. Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI - первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9-16.
15. Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М.: Типография, Д.И. Иноземцева, 1884. 245 с.
16. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Академия наук СССР, 1948. 448 с.
17. Папков А. И. Основание Белгорода // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей: в 2 т. / под ред. А. Н. Наумова. Т. 2. Тула ИНФРА, 2002. С. 103– 113.
18. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой в конце XVI—первой половине XVII века. Белгород: Константа, 2004. 352 с.
19. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. М.: Тип. Башмакова, 1910. 624 с.
20. Smith R. E. F., Christian D. Bread and salt: a social and economic history of food and drink in Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 391 p.

21. Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, 1995. 240 p.
22. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В. Н. Глазьева. Воронеж, ВГУ, 1998. 208 с.
23. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12286.
24. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.
25. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15818.
26. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15829.
27. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830.
28. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132.
29. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 88.
30. Челобитье ельчан всем городом об освобождении их от починки Чернавского и Талецкого острожков, и об уплате за поставленные им в Воронеже струга // Акты Московского государства. Под ред. Н. А. Попова. Т. II. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. С. 109-110.

References:

1. Bagaley D. I. Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva. M.: Universitetskaya tipografiya, 1887. 634 s.
2. Blagoveshchenskiy N. A. Chetvertnoe pravo. M.: Tipografiya tovarishchestva N. N. Kushnerev i K^o, 1899. 538 s.
3. Bobov A. G. Krepost' u Severskogo Dontsa i Belogo Kolodezya // Belgorodskaya cherta: sbornik nauchnykh statey i materialov po istorii Belgorodskoy cherty. Vyp. 6. Belgorod: Konstanta, 2021. S. 12-15.
4. Bovykin O. M., Krivtsova E. V. Obrazovanie poseleniy na zemlyakh belgorodskikh stanichnykh ezdokov v XVII veke na primere sela Razumnoe // Belgorodskaya cherta: sbornik nauchnykh statey i materialov po istorii Belgorodskoy cherty. Vyp. 4. Belgorod: Konstanta, 2019. S. 3-9.
5. Vazhinskiy V. M. Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke (Po materialam yuzhnykh uezdov Rossii). Voronezh: VGPI, 1974. 237 s.
6. Vodarskiy Ya. E. K voprosu o dostovernosti perepisnykh knig XVII v. // Istoriya SSSR. 1968. № 2. S. 133-143.
7. Glaz'ev V. N. Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v. Voronezh: VGU, 2001. 429s.
8. Zhukov D. S., Lyamin S. K., Kanishchev V. V. Frontir i fraktal: rezul'taty komp'yuternogo modelirovaniya dinamiki yuzhno-rossiyskogo frontira v seredine XVII – XVIII vv. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2013. № 10 (126). S. 6-12.
9. Zagorovskiy V. P. Belgorodskaya cherta. Voronezh: VGU, 1968. 304 s.
10. Zagorovskiy V. P. Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke. Voronezh: VGU, 1989. 269 s.
11. Lyapin D. A. Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya Yuga Rossii v XVII veke. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2020. 416 s.
12. Lyapin D. A. Ot krepostey k gorodam: povsednevno-bytovye i povedencheskie modeli naseleniya yuzhnorusskoy kreposti kontsa XVI v. // Istoriya: Fakty i simvol'y. 2016. № 2. S. 9-16.

13. Lyapin D. A. Urbanizatsiya Tsentral'no-Chernozemnogo regiona v kontse XVI –nachale XVIII vekov // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2017. Vyp. 3. S. 57-64.
14. Mizis Yu. A., Kashchenko S. G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI - pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*. 2011. № 1. S. 9-16.
15. Miklashevskiy I. N. *K istorii khozyaystvennogo byla Moskovskogo gosudarstva*. M.: Tipografiya, D.I. Inozemtseva, 1884. 245 s.
16. Novosel'skiy A. A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v.* M.-L.: Akademiya nauk SSSR, 1948. 448 s.
17. Papkov A. I. *Osnovanie Belgoroda // N. I. Troitskiy i sovremennye issledovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Rossii: Sb. statey : v 2 t. / pod red. A. N. Naumova. T. 2. Tula : INFRA, 2002. S. 103– 113.*
18. Papkov A. I. *Porubezh'e Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoy v kontse XVI—pervoy polovine XVII veka*. Belgorod : Konstanta, 2004. 352 s.
19. Platonov S. F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI – XVII vv.* M.: Tipografiya Bashmakova, 1910. 624 s.
20. Smith R. E. F., Christian D. *Bread and salt: a social and economic history of food and drink in Russia*. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 391 p.
21. Stevens Belkin C. *Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia*. Northern Illinois, 1995. 240 p.
22. *Perepisnaya kniga Voronezhskogo uezda 1646 goda / Podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya V. N. Glaz'eva*. Voronezh, VGU, 1998. 208 s.
23. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 12286.
24. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 135.
25. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 15818.
26. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 15829.
27. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 8830.
28. RGADA. F. 1209. Op. 1. D.132.
29. RGADA. F. 210. Op. 4. D. 88.
30. *Chelobit'e el'chan vsem gorodom ob osvobozhdenii ikh ot pochinki Chernavskogo i Talletskogo ostrozhkov, i ob uplate za postavlennyye im v Voronezhe struga // Akty Moskovskogo gosudarstva. Pod red. N. A Popova. T. II. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1894. S. 109-110.*